

Гульмира РУЗИЕВА
(Калуга)

Остановись!

Остановись, бегущий в пустоту,
в потоке дней не замечавший чуда!
Остановись! Узрей ту высоту,
с которой созерцал великий Будда.

И тот покой, что стелется внутри,
и тишину без страха и тревоги.
Остановись! И снова посмотри:
на мир вокруг, на дом и на пороги,

на голый куст, и на фонарный столб,
и на запорошенную брусчатку.
Остановись, ведь не верблюжий горб
загородил обзорную площадку.

Остановись! И выдохни! Замри!
Хоть на мгновенье потеряйся в мире.
И наблюдай, как истина внутри
рождается сама в прямом эфире.

Не ухвати, попробуй ощутить,
привязывать свободное нет смысла.
Остановись, чтоб научиться жить
в потоке чувств, а не в потоке мыслей.

Старик

Старик заходит к себе домой,
снимает пальто и ботинки
слегка дрожащей и слабой рукой,
и громко кричит: «Маринка!

Сходил в магазин сейчас просто так,
я деньги забыл в прихожей.
Ты только не злись, знаю, что дурак
и что ни на что негожий.

Устал я мотаться туда-сюда,

мне б передохнуть немного.
На улице, кстати, видел кота,
как Васька, наш кривоногий.

И тоже такой полосатый кот...
Хороший был Васька очень».
Маринка молчит, а старик все ждет:
«Ты что говорить не хочешь?

Как девочка, дуешься! Я ж сказал,
пойду в магазин попозже».
Старик, чуть хромая, заходит в зал:
«Куплю молоко и дрожжи.

Да только зачем пирог, не пойму.
Все ждешь, что приедет Мишка?
Дела у него, не до нас ему...
Теперь он большая шишка!

Теперь все иначе», - молчит портрет
жены в черной фоторамке.
«Меня заberi к себе на тот свет -
мне здесь ничего не жалко».

***

Береги Бог людей, всех своих непутевых детей
от иллюзий, гордыни и зла, что стоят на пороге.
Береги Бог людей от фальшивых и черных идей.
Береги нас, Господь. Нас таких обезумевших много.

Потерявших покой и не знающих: свет или тьма,
где добро, а где зло - перепуталось все в грешном мире.
У истории много имён, занесенных в тома,
но сюжеты одни, их придумали в вечном эфире.

Береги Бог людей, заключённых в мирских кандалах,
непонятно бредущих куда и к какому итогу.
Береги Бог людей. Если зло поселилось в сердцах,
то отмыть его годы раскаяния всё-таки смогут.

Береги Бог, людей. Мы безумны, слепы и глухи.
Каждый видит свое, каждый верит в свое. Авва Отче,
сделай разум светлее и душам сиять помоги,

а иначе нас ждут беспросветно холодные ночи.

Мы, итак, замерзаем, ведь каждый считает, что он
в чем-то лучше другого, достоин чего-то такого!
Береги нас глупцов! Этот мир без тебя раздроблен,
под раздувшимся эго прогнулась земная основа.

***

Когда устану я любить тебя,
и сердце превратится в пепелище,
и ангелы зловеще вострубят
о том, что ты меня вовек не сыщешь

не на Земле, не в мыслях, не во снах
со мной не суждено соприкоснуться,
и не вернуть молитвами никак,
как хвост не возвратит тому, кто куцый...

Когда устану я прощать тебя,
превозмогать, не требовать пощады;
и от любви возвышенной знобя,
просить не буду согреть душу взглядом...

Когда внутри раздастся тишина,
такая, что звучит страшнее грома;
когда пойму, что я истощена,
а чувства встали в горле тяжким комом...

Когда все будет «против», а не «за»,
и не удержит никакая сила,
твои остекленевшие глаза
будут просить, чтоб я не уходила.

***

И всё пройдет: и боль моя,
и грусть моя. Всё в мире тленно.
И я – лишь часть большой Вселенной,
и я – лишь выдох бытия.

И всё пройдет, пройду и я,
как по весне пройдут метели.
И так устанет в брэнном теле
душа крылатая моя.

Её куда-то позовут,
её поманит кто-то свыше.
Она мелодию услышит,
и станет ей тоскливо тут...

И всё пройдет: и боль, и грусть,
и радость, к сожаленью, тоже.
Но жизнь циклична, и быть может,
с весною новой я вернусь.

Подражание А. Вергинскому.

Оставили Вы привкус сожаленья,
хотя я верил в чудо. Но, увы,
Вы были как короткое мгновенье,
эпиграф недописанной главы.

И Вас уносят призраки былого:
того, что отцвело давным- давно.
И окунуться в прежний омут снова
Вам хочется... Но вряд ли суждено.

О что же, моя грешная, Вас манит
К когда-то опустевшим берегам?
Как ненадежна и коварна память...
И как она подводит милых дам...

Кого Вы встретите в краю далёком?
Ведь призраки не подают манто.
А я же оскорблюсь. Око за око...
И Вы, уйдя, мне станете никто.

И будете в лимонном Сингапуре
Вы обо мне и охать, и вздыхать.
О грешная моя, Вам нужны бури,
Они милее, чем морская гладь?

Но только после ваших приключений

Принять Вас я обратно не смогу.
Вы краше многих, краше без сомнений,
Но лучше пожелаю Вас врагу.

***

Какое чувство нежное!
Какое чувство хрупкое!
Его готов я сутками
от всех людей стеречь.
Ты знаешь, как мне холодно
в осеннем хмуром городе,
но я спасаюсь теплотой
недолгих наших встреч.

Поверь мне: все не просто так,
когда сожму ладонь в руках,
когда в глаза бездонные
я снова упаду.
Поверь мне! Счастье не пустяк,
и я не конченный дурак,
даже когда себя с тобой
я как дурак веду.

Пусть длятся дожди сутками.
Нас осень, сделав хрупкими,
нас осень сделав чуткими,
ведь всё-таки свела.
Я доберусь маршрутками,
трамваями, попутками
к тебе, чтобы почувствовать
хоть капельку тепла.

Я доберусь маршрутками,
трамваями, попутками
к тебе, чтобы почувствовать
хоть капельку тепла.

Письмо Тане (ко Дню Победы)!

Напиши мне, пожалуйста, Таня,
как в столице весна хороша...
Я живой, и я даже не ранен,
только плачет беззвучно душа,

только стонет, не зная покоя:
целый мир в настоящем аду.
Но клянусь, что я буду с тобою
и однажды с победой приду!

За тебя и за нашу Отчизну,
за родных, за друзей, за свой дом
я готов даже собственной жизнью
рисковать под смертельным огнем.

И я верю, любимая, верю,
что однажды в кровавый восход
мы захлопнем для нечисти двери,
не оставив им запасной вход!

Ты не плачь над письмом и не надо
горевать над угрюмой судьбой.
Мы прорвемся! Враг дышит на ладан,
нам остался всего один бой!